

20. *Parker H. M. D. A History of the Roman World from A. D. 138 to 337.* — London: Methuen et co. LTD, 1935. — XII, 402 p.
21. *Scriptores historiae Augustae /Ed. E. Hohl.* — Lipsiae: Teubner, 1965. Vol. I. — 310 p.; Vol. II. — 308 p.
22. *Zonaras I. Ioannis Zonarae Annales /Ex recensione Mauricii Pinderi.* T. I. — Bonnae, 1841. — 581 p.; T. II. — Bonnae, 1844. — 647 p.
23. *Zosime Histoire nouvelle. Tome 1 (Livres 1 et 2) /Texte etabli et traduit par F. Paschoud.* — Paris, 1971. — 264 p.

Резюме

У статті розглядається питання про роль зовнішньополітичного фактору в історії кризи III століття в Римській імперії. На думку автора, цей фактор сприяв поглибленню суперечностей у збройних силах імперії та послабленню підтримки імператорів з боку армії, тобто мав велике значення у визріванні даної кризи. Напружена ситуація на кордонах римських володінь створювала сприятливі умови для спроб узурпації імператорської влади, відволікала увагу правителів Римської імперії від вирішення питань відновлення політичної стабільності в державі, отже, позначалась на тривалості кризи III століття. Щоб успішно боротися зі вторгненнями варварів в імперію і в той же час запобігти спроб узурпації імператорського престолу воєначальниками, Діоклетіан був змушений піти на утворення нової системи державної влади – тетрархії. Таким чином, зовнішньополітичний фактор вплинув і на спосіб виводу імперії із кризового стану.

Summary

In the article «The Foreign-Policy Factor in the History of the IIIrd century Crisis in the Roman Empire» the author depicts that the strained situation within the borders of the Roman Empire was the major requisite for the ripening of this crisis, the result of its duration and had the influence on the way the Roman Empire was helped out of the crisis.

К. Ю. Бардола

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРА ЮСТИНИАНА I

Деятельность императора Юстиниана I (527–565) постоянно вызывает интерес у исследователей истории Византийской империи. Этой теме посвящены отдельные монографии и многочисленные статьи. Однако внимание византинистов неравномерно распределяется среди различных областей политической деятельности этого императора. Внешняя политика, административные реформы, социальные противоречия византийского

общества, а также вопросы культуры и теологии рассматривались исследователями довольно подробно [1–10 и др.]. С другой стороны, финансовая и, особенно, фискальная политика императора Юстиниана подробно не рассматривалась. Разумеется, некоторые исследователи обращались к отдельным проблемам в области финансов и налогообложения периода VI в., однако анализ этих проблем и их решение рассматривались либо вскользь, либо посвящались отдельным, специфическим аспектам [11–16 и др.]. Что касается фискальной политики Юстиниана I в целом, ее анализ проводился недостаточно подробно и без достаточно критического подхода к сведениям источников. Негативное отношение современников, особенно Прокопия Кесарийского, к налоговой политике императора без тщательного анализа переключалось в работы византинистов начала XX в. [8, с. 311; 18, с. 62–66; 19, с. 229–230; 20, с. 378], а затем и в современную историографию [21, с. 5; 22, с. 265; 23, с. 33–34]. В связи с этим возникает необходимость более подробного рассмотрения политики византийского государства VI в. в области налогообложения с целью достижения более объективной оценки деятельности Юстиниана I.

К началу VI в. в византийском обществе скопилось множество нерешенных социально-экономических, административных и религиозных проблем. Это вылилось в массовое недовольство народных масс. В одном Константинополе в конце V–нач. VI вв. произошло около 30 крупных восстаний городского плебса [24, с. 236]. Не последнее место в списке причин роста народного недовольства занимали финансовые трудности империи. Несмотря на то, что император Анастасий I (491–518) оставил после своего правления в казне крупную сумму денег (по словам Прокопия, 3 200 кентинариев золота), он не решил основных финансовых проблем, которые привели Византийское государство в довольно плачевное состояние [17, XIX, 7]. К тому же, по свидетельству Иоанна Лида, практически все эти деньги были потрачены во время правления императора Юстина I (518–527) на войну с персами [25, III, 61]. Поэтому Юстиниану I приходилось искать другие источники доходов для решения основных финансовых проблем.

Итак, дефицит бюджета, инфляция и неравномерность налогообложения являлись характерными признаками финансовой политики византийского государства III–V вв. и оставались таковыми в Византии к началу VI в. [26, с. 81–83].

Следует заметить, что реформаторская деятельность Юстиниана не затронула основ системы *jugatio-capitatio*, введенной императором Диоклетяном (284–305). При Юстиниане I, также как и во времена правления его предшественников, основанием для суммы налогообложения являлась не фиксированная ставка обложения, а потребность государства в натуральных и денежных средствах. Из новеллы Юстиниана 545 г. следует, что каждый год в июле или августе византийское правительство издавало список ожидаемых налоговых поступлений с каждой юги

[27, СХХVIII, 1]. После сбора налогов сборщики казенных податей (δημοσίων συντελεσίων) должны были выдать квитанции, в которых обозначалась сумма выплаты, количество юг и имена владений [27, СХХVIII, 3]. При обложении новых земель (будь то земли, захваченные во время войны, или земли бывших налоговых льготников) Юстиниан посылал цензовых переписчиков для установления норм обложения. Отметим, что император не устанавливал новых норм цензовой переписи, а лишь восстанавливал старые. По словам Прокопия Кесарийского, после завоевания Велисарием Африки, «...ввиду того, что среди документов невозможно уже было найти списки податей на местности Ливии, которыми в прежние времена их обложили римляне, поскольку Гизерих с самого начала их отменил, а затем совсем уничтожил», Юстиниан послал туда своих чиновников, «чтобы они назначили налоги каждому по его силам» [28, II, 8. 25].

Такую же политику император проводил в Армении и Италии. Прокопий, правда, утверждает, что до Юстиниана армяне, согласно договору их царя Аршака с императором Феодосием (379–395), пользовались полным налоговым иммунитетом [29, II, 3, 35–38]. Это утверждение было подробно рассмотрено Н. Адонц, который убедительно доказал, что уже при императоре Анастасии I армяне платили земельную подать (ἀρμενικὰ δημόσια) [54, X.17.13; 30, с. 119–120]. Таким образом, единственным нововведением Юстиниана в этой области могло быть распространение обложения ἀρμενικὰ δημόσια на представителей армянской знати, принадлежащих к роду Аршакидов [30, с. 121].

После завоевания Италии Прагматическая санкция восстанавливала там обычную для Византии систему налогообложения jugatio-capitatio [31, X; 9, с. 509; 32, с. 79]. Согласно этому документу, византийское правительство в Италии также не решилось на повышение уровня прямого налогообложения [9, с. 509].

Несмотря на то, что при Юстиниане I нормы обложения на вновь завоеванных землях оставались на том же уровне, что и по всей империи, и нет оснований говорить о повышении ставок прямого налогообложения, Прокопий остро критикует налоговую политику византийского правительства. Эта критика касается, в первую очередь, трех основных притеснений земледельцев, введение которых Прокопий приписывает императору Юстиниану: синона (συνωναίς), эпиболе (ἐπιβολαίς) и диаграфе (διαγραφαίς) [33, XXIII, 9]. Ни один из этих терминов не имеет однозначного толкования у современных исследователей.

Синона (συνωναί), или в латинском переводе соemptio, представляла собой принудительную закупку у населения продуктов питания, в основном зерна, по фиксированным ценам [12, с. 235; 34, с. 117]. Ф. Дальгер предполагал, что уже в конце IV–V вв. синона была постоянным налогом, взимаемым в соответствии с налоговой переписью с каждой фискальной единицы [35, с. 57–59]. Однако против этого мнения высказался Дж. Хэл-

дон, который совершенно справедливо считает, что основная часть прямых налогов с земледельцев поступала в натуре, поэтому надобности в закупках продовольствия у византийских императоров не было [34, с. 119]. Коммутация натуральной формы поземельного налога в денежную в восточной части империи стала активно проводится только к концу V в. во время правления императора Анастасия I, после отмены хрисаргира и введения хрисотелии [36, с. 196; 37, с. 34]. В любом случае законодательство Анастасия I рассматривало синону как чрезвычайную меру, которую можно использовать только в крайних случаях и только по разрешению императора [Cod. Just. X. 27. 2]. Исключение было сделано только для Фракии, где синона применялась как стандартная практика. Возможно, это также стало одной из причин недовольства местных земледельцев и их выступления на стороне Виталиана против Анастасия.

При Юстиниане подати выплачивались в основном в золоте, хотя также применялась практика натуральных взносов. Термин «поземельный налог в золоте» (χρυσίῳ δημοσίω) довольно часто встречается в императорских новеллах [27, СХХVIII, 1; XVII]. Однако после двух столетий взимания натуральных податей рынок оказался не совсем готов к введению повсеместной адэрации поземельного налога. Иоанн Лид сообщает, что «...плательщик подати разорился, потому что вместо натуральных продуктов вносил золото сборщикам подати и, обитая вдали от моря, был не в состоянии продать продукты [38, III, 61]. С другой стороны, Юстиниан, вероятно, довольно часто сталкивался с проблемой недостатка материального снабжения войск и столичного плебса. Не случайно Прокопий связывает официальное введение синоны Петром Варсимой с перебоями поставок хлеба в Константинополь из Египта в 545 г. [17, XXII, 14]. Вполне возможно, что именно после этих событий, в том же 545 г. Юстиниан официально признает, что правительство может реквизировать в счет будущего налога или купить за наличные деньги дополнительные натуральные поставки [27, СХХХ, 3]. Конечно, такая практика существовала и до 545 г. [17, XXIII, 14]. Вероятно, с 545 г. византийское правительство лишь узаконило синону как обычную государственную меру. Но кроме официального признания синоны, Юстиниан в том же году пытается упорядочить процесс адэрации земельной подати и сбора синоны. Теперь, кроме обычных цифр о предполагаемом количестве земельной подати с каждой юги, в окладных списках должны были вывешиваться цены продуктов питания (φαγεροῦσᾶς δὲ καὶ τῶν εἶδων ἀποτιμῆσιν κατὰ τὴν τράπεζαν) [27, СХХVIII, 1]. Вероятно, именно по этим ценам должна была проходить принудительная закупка продовольствия.

В целом надо сказать, что тяжесть бремени синоны, вероятно, сильно преувеличена Прокопием. Во всяком случае, источники по этому вопросу очень противоречивы. Евагрий, Феодорит Кирский и Иоанн Лид, в отличие от Прокопия, описывают как «отягощение» не синону, а, наоборот, взимание налогов в золоте [39, III, 42; 40, XLII; 38, III, 61]. Отно-

шение к синове во многом могло зависеть от установленных цен. Но скорее всего цены, по которым правительство принудительно скупало продовольствие, вряд ли отличались от цен, по которым проводилась адэрация. Жалобы населения на адэрацию и на синову в первую очередь были связаны с плохими коммуникациями, которые использовались для торговли либо для доставки продуктов в государственные склады. Таким образом, во времена правления императора Анастасия I и, особенно, императора Юстиниана I основной дефицит выражался в натуральных поставках, который можно было избежать при помощи синовы. Эта практика приводила к тому, что при Анастасии I и Юстиниане I государство гораздо быстрее и гибче реагировало на бюджетные колебания. Так, например, в Египте, где было высокоразвитое земледелие и небольшое количество вооруженных сил, синова практически не применялась, кроме незначительных закупок яиц, меда и вина [41, с. 317].

Другой термин, который назвал в качестве нововведений Юстиниана Прокопий, назывался «надбавка» (ἐπιβολή, или в латинском переводе *adjectio sterilium*). Общепринятое определение для эпиболы — дополнительный налог за покинутые соседями земли и право пользоваться этими землями [42, с. 456–457; 43, с. 250; 44, с. 90; 45, с. 323]. Более осторожны в выводах Ф. И. Успенский и М. Каплан, которые высказывают сомнения в определенности, с каких земель взималась эпибола в V–VI вв. [20, с. 372; 46, с. 211].

Известно, что термин «эпибола» употреблялся еще во времена ранней и поздней Римской империи. Обычно этим термином обозначались чрезвычайные меры местных властей в случае отказа от уплаты налогов [47, с. 105; 48, с. 196]. После введения системы *jugatio-capitatio* в источниках можно найти упоминания об эпиболе как об обычной практике [41, с. 232–233]. Это было связано с тем, что система *jugatio-capitatio* предполагала коллективную ответственность перед фиском. Однако в IV–V вв. ее распространение было ограничено границами податной единицы и пятнадцатилетним циклом всеобщей фискальной переписи. Первые упоминания об эпиболе в VI в. относятся ко времени правления императора Анастасия I. Хроника Иешу Стилита говорит об освобождении императором от эпиболы «деревенских господ» Эдессы [49, XXXIX]. Текст источника свидетельствует о заинтересованности не всей общины или деревни в освобождении от эпиболы, а только «деревенских господ». Поэтому, скорее всего, эпибола выплачивалась состоятельными землевладельцами с покинутых земель внутри одной податной единицы. Другое упоминание относится к 512 г. Эдиктом префекта претория Зотиком от эпиболы освобождались церковные имущества и имения императора [50, с. 142]. Этот закон также не дает точных сведений, каким образом взималась эпибола.

Активизация применения практики эпиболы приходится опять-таки на правление императора Юстиниана I. Закон от 545 г. четко определил

правила ее использования. Согласно этому закону, применялись два варианта эпиболы. Так, «если кто-то осуществит „надбавку“ (ἐπιβολήν) земли на территориях, зависимых от одного владельца (ὁμοδούλων) или одной цензовой единицы (ὁμοκλήρων), он должен платить те же налоги (αὐτῆς δημόσια) с этой земли» [27, СХХVIII, 7]. Проведение подобной операции разрешалось по письменному разрешению губернатора провинции. Условия другого варианта были несколько иными. Если владелец какого-то участка (δεσπότην οἰᾶςδηποτε κτέσεω) не мог выплачивать свои подати, то должен был передать свою землю, будь то земля одного владельца (ὁμοδούλων) или цензовой единицы (ὁμοκλήρων), со всем, что есть на ней [27, СХХVIII, 8]. Неоднозначность перевода терминов ὁμοδούλων и ὁμοκλήρων осложнила понимание исследователями списка этого текста. Ф. И. Успенский перевел их соответственно как «единый цензовый столбец» и «подчиненные одному владельцу» [20, с. 327]. Несколько иной перевод предложил М. Каплан, который определил эти термины соответственно как «единую зависимость» и «цензовую общность» [46, с. 211]. Если принять определения М. Каплана как более близкие к первоначальному смыслу, тогда первый вариант можно рассматривать как практику обычной фискальной коллективной ответственности, распространенной уже во времена Диоклетиана и Константина. Скорее всего, в § 8 новеллы 128 Юстиниана речь идет о коллективной ответственности, выходящей за рамки одной податной единицы или владения, подчиненному одному налогоплательщику. Эта новелла перекликается со сведениями Прокопия, который сообщал, что Юстиниан взыскивал с земледельцев «не только то, что было наложено на каждого из них, но и долю их погибших соседей» [17, XXIII, 21]. Такая метаморфоза коллективной ответственности, вероятно, произошла между 535 г. и 545 г., точнее, между 542 и 545 гг. Эти хронологические рамки следуют из сведений, предоставленных источниками. В 535 г. Юстиниан издает новеллу 17, в которой коллективная ответственность за соседние и другие земли рассматривается все еще как репрессивная и исключительная мера [27, XVII]. Прокопий уточняет, что эпибола была введена после эпидемии чумы, то есть после 542 г. [17, XXIII, 21]. А уже в 545 г. вышла новелла 128, в которой император упорядочил взимание этого дополнительного налога.

Следовательно, Юстиниану I можно приписать лишь изменение условий взимания эпиболы, которые превратили ее из исключительной временной меры правительства в постоянный дополнительный налог.

Помимо синовы и эпиболы среди отягощений земледельцев императором Юстинианом Прокопий называет диаграфу (διαγραφαί). Тот факт, что историк опустил в своем повествовании подробности применения диаграфу, вероятно, послужило причиной отсутствия определенности у исследователей о характере этого притеснения. Византинисты сходятся лишь в том, что это был экстраординарный дополнительный налог,

который во время правления Юстиниана I стал постоянным [51, с. 443; 52, с. 234–235; 10, с. 175; 45, с. 323].

Источники часто упоминают диаграфе или в латинском переводе *descriptio* по отношению к различным налогам [53, XI, 28, 15; XII, 1, 173; VI, 2, 26; 54, XII, 9, 1; VIII, 2, 1]. К тому же египетские папирусы свидетельствуют, что диаграфе (*μερισμὸς τῆς διαγραφῆς*) в Арсиное применялась при обложении отдельной улицы города или членов ремесленных объединений на этой улице [41, с. 262]. Э. Штейн полагает вслед за Г. Руйе, что использование диаграфе в Египте нельзя соотносить с обложением поголовной подати *capitatio* [55, с. 79–81; 51, с. 443]. Это мнение подтверждается тем фактом, что диаграфе часто применялось как дополнительный налог к главной поземельной подати (*δημοσίου*) [41, с. 270, 286]. Также известно, что первоначально Прокопий определял диаграфе как бремя земледельцев, а затем как практику при налогообложении городов (*περιβάλλεσθαι τὰς πόλεϊς*) [33, XXIII, 9–18].

Итак, источники свидетельствуют, что диаграфе мог быть налогом с землевладельцев, с городских улиц (кварталов) или поголовным налогом. Столь разнообразное применение диаграфе можно объяснить, вероятно, только тем, что этот термин не обозначал определенного налога, а лишь форму исполнения обложения, которая заключалась в осуществлении переписи недвижимого имущества. Такое предположение было высказано уже в конце XIX в. российским византинистом Б. Панченко [50, с. 504]. По его мнению, название «диаграфе» первоначально обозначало форму отбывания повинности, а затем было перенесено на саму повинность. Однако византийские источники не свидетельствуют о диаграфе как об определенном налоге. Возможно, диаграфе VI в. мало чем отличался от *διαγραφῆ* арабского времени, который был одновременно подушным налогом и налогом с дохода и который выплачивался соответственно степени богатства налогоплательщика [41, с. 268]. Надо заметить, что нам неизвестна практика прямого налогообложения городского населения после отмены Анастасием I в 498 г. хрисаргира. О диаграфе же источники упоминают именно в связи с обложением горожан [33, XXIII, 18; 27, CXXVIII, 16]. Не исключено, что при Юстиниане население выплачивало прогрессивный поголовный налог. Этот налог основывался на переписи имущества, которое свидетельствовало о налогообеспособности того или иного налогоплательщика. Таким образом, можно говорить о диаграфе как о форме этого налога с дохода (*descriptioe lucratorum*) [27, CXXXI, 5]. Вероятно, для землевладельцев, проживающих в городах, это был дополнительный налог к основной поземельной подати. В связи с этим можно вспомнить сведения Прокопия об аэрико-не (*ἀερίκον*) как о дополнительном к поземельной подати налоге (*δημοσίου ἐπρασσετο φόροϊς*) [33, XXI, 1]. Для него аэрикон является «непривычным», то есть новым налогом. Ф. Дальгер сделал предположение, которое поддержали Э. Штейн, И. Караяннопулос и М. Я. Сюзюмов:

аэрикон являлся штрафом за несоблюдение расстояния между домами в Константинополе [13, с. 456; 51, с. 443; 11, с. 177; 56, с. 6.]. Однако весьма крупная сумма налога (3000 литров золота или 222 000 номисм), регулярность его поступления (1 раз в год) и тот факт, что его сбором занимался префект претория, а не городской эпарх, свидетельствует о том, что речь идет скорее о постоянном дополнительном налоге, а не об экстраординарных штрафах со столичных домохозяев. Вполне возможно, что диаграфе и аэрикон являлись двумя названиями одного и того же дополнительного к поземельной подати налога, основанного на переписи (*μερισμὸς τῆς διαγραφῆς*) доходного недвижимого имущества. Вероятно, в перепись входили также мастерские или городские дома налогоплательщиков, в том числе и землевладельцев. Это объясняет обложение диаграфе по районам и улицам. Размеры, площадь мастерских или городских жилищ вполне могли влиять на уровень налогообложения отдельных налогоплательщиков. Сумма обложения, которая напрямую зависела от этих размеров, могла носить название аэрикон. В таком случае последний был налогом не за «расстояние между домами», а за площадь самих этих домов или эргастериев и являлся синонимом поголовного налога, который взимался при помощи практики диаграфе. Если предположить наличие дополнительного к поземельной подати поголовного налога, то он должен был взиматься по тем же правилам, что и основная подать. Как подтверждение этому можно привести свидетельства Прокопия о том, что Юстиниан ввел новый распределяемый вперед ежегодный налог «между теми, кто имел лавки» [17, XX, 1]. К тому же «Законы химьяритов» и тот же Прокопий утверждают, что обложение городов на основе переписи недвижимого имущества было хорошо известно византийцам уже к началу 30-х годов VI в. [57, с. 438; 17, XXI, 5].

Таким образом, налоги, введение которых часто приписывают Юстиниану I, существовали задолго до его правления. Исходя из этого, следует несколько по-иному взглянуть на термин «чрезвычайный» (*extraordinaria*), который сопровождает эти налоги в текстах источников.

Проводя податные реформы, Юстиниан и его подчиненные, несомненно, активно изучали опыт предшествующих императоров и старались избежать их ошибок. Были подвергнуты изменениям большинство основных принципов налогообложения Римской империи. Как свидетельствует Прокопий, Юстиниан за тридцать два года своего правления ни разу не пошел на значительное списание недоимок [17, XXIII, 1]. Тезис о том, что подданные «...должны вносить государственные налоги со всей готовностью сполна», стал основополагающим в налоговой политике императора [27, XVI, 10]. Кроме этого, Юстиниан отменил все льготы при налогообложении, предоставляемые сенаторам и духовенству [27, XVII, XLIII, LVII]. Для решения проблемы злоупотреблений на местах он лишил города важнейшего «полицского» права на самостоятельное использование их муниципальных бюджетов [17,

XXVII, 6]. Административные реформы Юстиниана привели к тому, что переписью имущества и сбором налогов стали заниматься государственные чиновники на государственном жаловании [27, XV]. К тому же по отношению к ним он активно проводил политику «чистых рук», то есть контроля и со стороны государства, и со стороны налогоплательщиков [27, XXXI, 5; 19, с. 226].

Таким образом, отменяя всевозможные льготы и ужесточая процесс сбора налогов, Юстиниан I мог своей деятельностью затронуть интересы многих социальных групп, для которых выплата издавна существующих налогов была «чрезвычайной» практикой. Поэтому основным нововведением императора Юстиниана I следует считать не введение новых или изменение ставок старых налогов, а курс на унификацию и повышение эффективности системы прямого налогообложения.

Литература

1. *Barker J.* Justinian and the Later Roman Empire. — Madison, 1966.
2. *Browning R.* Justinian and Theodora. — London., 1971.
3. *Cameron A.* Circus Factions and Religious Parties: A Rejoinders // Byzantion. — 1980. — Т. 50.
4. *Claude D.* Die Byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. — München, 1969.
5. *Charanis P.* On the Social Structure of the Later Roman Empire // Byzantion. — 1945. — Т. 17.
6. *Guiland R.* Recherches sur les institutions Byzantines. — Berlin; Amsterdam, 1967. — Т. 1.
7. *Patlagean E.* Pauvrete economique et pauvrete sociale à Byzance, 4e–7e siecles. — Paris; Le Haye, 1977.
8. *Диль III.* Юстиниан и византийская цивилизация. — СПб., 1908.
9. *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. — М., 1959.
10. *Чекалова А. А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. — СПб., 1997.
11. *Karayannopoulos J.* Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. — München, 1959.
12. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire, 284–602. A Social, Economic and Administrative Survey. — Oxford, 1964. — Vol. 1–3.
13. *Dölger F.* Das Aërikon // Byzantinische Zeitschrift. — 1930. — Bd. 30.
14. *De Laet S. J.* Etudes sur l'organisation dominiere chez les romains surtout a l'epoque du Haut Empire. Portorium. — Brugge, 1949.
15. *Пигулевская Н. В.* К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии // ВВ. — 1951. — Т. 4.
16. *Левченко М. В.* Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VI вв. // Византийский сборник. — М., 1945.
17. *Прокотий Кесарийский.* Тайная история // Прокотий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекалова. — СПб., 2001.

18. *Bury J. B.* A History of the Later Roman Empire. — London, 1889. — Vol. 1–2.
19. *Васильев А. А.* История Византийской империи. — СПб., 2000.
20. *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. — М., 1999.
21. *Stratos A. M.* Byzantium in the Seventh century. — Amsterdam, 1968. — Vol. 1.
22. *Norwich J. J.* Byzantium: The Early Centuries. — New York, 1989.
23. *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. — СПб., 1998.
24. *Курбатов Г. Л.* Ранневизантийские портреты. — Л., 1991.
25. *Johannes Lydos.* De Magistratibus. — Leipzig, 1903.
26. *Bernardi, A.* The Economic Problems of the Roman Empire at the Time of Its Decline // The Economic Decline of Empires. — London, 1970.
27. *Corpus Juris Civilis.* — Berolini, 1904. — Vol. 3 : Novellae Justiniani / Rec. P. Krueger.
28. *Прокотий Кесарийский.* Война с вандалами // Прокотий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекалова. — СПб., 2001.
29. *Прокотий Кесарийский.* Война с персами // Прокотий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А. А. Чекалова. — СПб., 2001.
30. *Адоиц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. — Ереван, 1971.
31. *Corpus Juris Civilis.* — Berolini, 1904. — Vol. 3 : Constitutio Pragmatica / Rec. P. Krueger
32. *Бородин О. Д.* Византийская Италия в VI–VIII веках. — Барнаул, 1991.
33. *Procopius Caesariensis.* Historia arcana. — Bonnae, 1838.
34. *Haldon J.* Synônê: re-considering a problematic term of middle Byzantine fiscal administration // Byzantine and Modern Greek Studies. — Birmingham, 1994. — Vol. 18.
35. *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonder des 10. und 11. Jahrhunderts. — Hildesheim, 1960.
36. *Прибыловский В. В.* К вопросу о налоговой реформе императора Анастасия I // ВВ. — 1986. — Т. 46.
37. *Oikonomides N.* Fiskalite et exemption fiskale a Byzance (IXe–XIes.). — Athenes, 1996.
38. *Ioannes Lydos* Opera ex rec. Im. Bekkeri. — Bonnae, 1837.
39. *Евагрий Схоластик.* Церковная история / Пер. Е. С. Кривушин. — СПб., 2001.
40. *Theodoretus Cyrensis episcopi* Opera omnia // PG. — 1860. — Т. 82; 1864. — Т. 83.
41. *Johnson A. Ch., West L. C.* Byzantine Egypt: Economic Studies. — Princeton, 1949.
42. *Monnier H.* Etude du droit byzantin. L'Epibolçv // N.R.D.F., 1892. — Т. 16.

43. *L. Brehier*. Le monde byzantin. — Paris, 1949. — Vol. 2: Les institutions de l'Empire byzantin.
44. *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V–VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. — М.; Л., 1940.
45. *Чекалова А. А.* Комментарии//Прокопий Кесарийский. Война с персами/Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история/Пер. А. А. Чекалова. — СПб., 2001.
46. *Kaplan M.* Les Homes et la terre a Byzance du VIe au XIe siecle. — Paris, 1992.
47. *Sperber D.* Roman Palestine 200–400. — Ramat-Gan, 1978.
48. *Rostowzeff M.* Studien zur Geschilte des römischen Kolonates. — Jena, 1910.
49. *Иешу Стилит.* Хроника//Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000.
50. *Панченко Б. О.* О тайной истории Прокопия//ВВ. — 1898. — Т. 3.
51. *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. — Paris–Bruxelles–Amsterdam. — Vol. II. — 1949.
52. *История* Византии. — М., 1967. — Т. 1.
53. *Codex Theodosianus.* — Berlin, 1905. — Bd. 1–2.
54. *Corpus Juris Civilis.* — Berolini, 1895. — Vol. 2: Codex Justinianus /Rec. P. Krueger.
55. *Rouillard G.* L'administration civile de l' Egipte byzantine. — Paris, 1928.
56. *Сюзюмов М. Я.* О трактате Юлиана Асколонита//АДСВ. — Свердловск, 1977. — Вып. 14.
57. *Законы* химваритов//Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000.

Резюме

У статті «Податкова політика імператора Юстиніана I» розглядаються особливості системи прямого оподаткування в часи правління одного із найвидатніших політичних діячів в історії Візантії — імператора Юстиніана I.

Незважаючи на загальноприйнятую серед істориків думку про те, що Юстиніан I посилив тягар оподаткування за рахунок збільшення ставок звичайних податків і запровадження нових, широке коло джерел свідчить про те, що всі «нововведення», які приписують цьому правителю, існували задовго до його правління.

Реформа прямого оподаткування за Юстиніана зводилася до розширення соціальної бази платників податків за рахунок скасування практики надання податкових пільг і прагнення до уніфікації всієї податкової системи.

Summary

In the article «Tax policy of the emperor Justinian I» is considered the peculiarities of the direct taxation system during the reign of the one of the

most remarkable political figures in a history of Byzantium — emperor Justinian I.

Despite of the opinion, standard among the historians, that Justinian I has strengthened burden of the taxation at the expense of increase of the rates of the usual taxes and introduction the new ones, — the wide circle of sources testifies that all «innovations» attributed this Emperor, existed long before his reign.

The reform of the direct taxation during Justinian I consists in expansion of social base of the tax bearers at the expense of abolition of practice of granting of tax privileges and aspiration to unification of all tax system.

С. Б. Сорочан

В ПОИСКАХ ГРАНИ TERMINUS ANTE QUAM РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Преодоление оторванности Херсона от сельской периферии, ясно обозначившееся с конца IX столетия, вновь ставит вопросы о функционировании фемы и о периодизации истории этого византийского города. Где та грань, что лежала за порогом уходящего тысячелетия и за которой таяло во тьме веков раннее средневековье? Какие события могли бы обозначить этот важный рубеж? Ведь материальная культура херсонитов оставалась неизменной и, как и социальные отношения, ментальные установки, не претерпела видимых, заметных перемен. Будни и праздники текли, как и встарь. Прихожане ходили в те же храмы, а руки привычно делали знакомые хозяйственные и домашние дела. На мой взгляд, единственное, но существенное изменение можно заметить, пожалуй, только в геополитической плоскости, в расстановке влиятельных фигур в большой игре под названием «история», к середине X в. кардинально и надолго определивших новую иерархию сил в Таврике.

Анонимный еврейский автор Кембриджского документа (т. н. документа Шехтера) отмечал серьезное осложнение отношений империи ромеев с Хазарским каганатом, скорее всего, в конце IX–начале X вв., когда «во дни царя Вениамина поднялись все народы на [хазар] и стеснили их [по совету] царя македонского. И пришли воевать царь Азии и [турок]... и Пайнила и Македона» [1, р. 128, 133–134; *ср.*: 2, с. 11–12, 25; 3, с. 116]. Из того же источника следует, что отчаянное положение спасли аланы, «так как часть их (тоже) соблюдала иудейский закон»: «аланский царь» разгромил всех воевавших против страны хазар, что не помешало ему же «во дни [царя] Аарона», из-за подстрекательства византийского императора, начать воевать с хазарами. Судя по всему, эти события должны были предшествовать царствованию Иосифа, сына Арона, и приходу к власти «злодея Романа», то есть кесаря, а затем и императора Романа Лакапина